
Системный кризис общества и состояние посткапитализма

© 2019 г. А.В. Щипков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, 119991,
ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

E-mail: mail@shchipkov.ru

Поступила 24.02.2019

Автор статьи указывает на невозможность контролировать социальные процессы в рамках прежней системы, отмечает накопление в этой системе внутренних противоречий, рассматривает возможные пути выхода из состояния идеологического тупика, рассуждает об опасностях радикализации и архаизации общества, о нарастании в нем тоталитарных тенденций и делает вывод о неизбежности смены модернистской парадигмы в самом ближайшем будущем.

Современное социально-экономическое состояние общества определяется автором как состояние посткапитализма. Его особенность заключается в том, что привычные финансово-экономические и культурные инструменты управления обществом перестают действовать. Чтобы сохранить социальный порядок и устойчивость, мировым политическим центрам силы приходится использовать все более жесткие формы военного принуждения, искусственно создавать кризисы, конфликты и линии напряжения по всему миру. Но этот путь способен лишь на короткое время стабилизировать ситуацию. Следующим шагом в радикализации и одновременно архаизации неолиберального социально-политического режима стал переход к новым тоталитарным социально-политическим концепциям, таким как «конфликт цивилизаций», «общество риска» и «цифровое общество».

Ключевые слова: «второй модерн», глобализация, глобальный Север, глобальный Юг, идеология, неолиберализм, общество риска, посткапитализм, постмодерн, разрывы традиции, тоталитарность, цифровое общество.

DOI: 10.31857/S004287440006317-3

Цитирование: Щипков А.В. Системный кризис общества и состояние посткапитализма // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 40–49.

Systemic Crisis of the Society and the State of Postcapitalism

© 2019 г. Aleksandr V. Shchipkov

Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: mail@shchipkov.ru

Received 24.02.2019

The author states that it has become impossible to control social processes within the framework of the old system, notes internal contradictions accumulating within the system, considers possible ways out of the ideological impasse, describes the dangers of radicalization and archaization of a society, points out the rise of authoritarian tendencies and draws a conclusion about the inevitable replacement of the modernist paradigm in the near future.

The author defines the current socioeconomic state of a society as a state of postcapitalism. It is characterized by the failure of conventional financial, economic and cultural tools of society management. In order to maintain the social order and stability, the world's political centers of power have to resort to increasingly harsh forms of military coercion and create artificially inflated crises, conflicts and lines of tension around the world. But these are only short-term measures. The next step in the radicalization and simultaneous archaization of the neoliberal sociopolitical regime was the transition to new totalitarian socio-political concepts, such as 'the conflict of civilizations', risk society' and 'digital society'.

Key words: 'second modernity', globalization, global North, global South, ideology, neoliberalism, risk society, postcapitalism, postmodernity, ruptures of tradition, totalitarianism, digital society

DOI: 10.31857/S004287440006317-3

Citation: Shchipkov, Aleksandr V. (2019) "Systemic Crisis of the Society and the State of Postcapitalism", *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2019), pp. 40–49.

Выражение «устойчивое развитие» все еще встречается в официальных документах форумов и конференций, но сегодня оно уже звучит как анахронизм. В наше время слишком явным кажется преобладание периодов социальной неустойчивости, турбулентности над периодами равновесия. Мы живем в эпоху перманентной социальной дестабилизации.

И в краткосрочной, и в среднесрочной перспективе наше общество, похоже, ожидает еще один период кардинального социального сдвига, который средствами обычного языка чаще всего обозначается как время «больших перемен». У немалой части населения России имеется опыт существования в таких исторических обстоятельствах, приобретенный в момент исчезновения СССР. В сегодняшнем мире возникла ситуация, очень похожая на позднесоветскую. Правда, предстоящие, а по существу, уже начавшиеся перемены гораздо сильнее растянуты по времени. С другой стороны, они охватывают не одну страну или группу стран (политический блок), а мировую систему в целом.

Интуитивно знакомое нам ощущение застоя, как говорится, висит в воздухе. Им пропитана общественная атмосфера. Привычная модель общественной жизни

находится в кризисе, вместе с ней кризис испытывает и сфера идей, что и предопределяет неизбежность кардинального сдвига в сфере идеологии и социальных отношений.

Пределы глобализации. От экономического к силовому сценарию

Сегодня вызывает все больше вопросов идея универсалистской культуры, которая была призвана заменить культуру так называемого «традиционного общества». Сколь бы теоретики социального конструктивизма ни называли нации, конфессии и цивилизационные единства «воображаемыми сообществами», вместе с их политической отменой исчезают реальные социальные связи и институты, действующие в любом обществе изнутри, на уровне исторической памяти. В условиях их «отключения» регулирование обществом приходится осуществлять с помощью искусственных административно-политических механизмов, имитирующих демократию и держащих либо на финансовых вливаниях, либо на силовом принуждении.

Финансовые вливания не бесконечны, а мировые рынки не бездонны. Развитие событий в последние 10 лет показало, что невозможно бесконечно накачивать спрос и строить кредитную экономику, искусственно поддерживая непроизводительный middle class с помощью неограниченной эмиссии. Данная ситуация характеризуется независимыми экономистами как кризис или падение эффективности капитала, означающий, что мировая финансовая система больше не в состоянии поддерживать искусственный экономический рост. Авторы, разделяющие эту точку зрения, в России не слишком популярны. Но несколько лет назад тексты некоторых из них были собраны под одной обложкой в сборнике «Закат империи США: Кризисы и конфликты». (См. <http://conflictmanagement.ru/wp-content/uploads/2014/02/Vallerstain-I.-Amin-S.-Dzhordzh-S.-Zakat-imperii-SSHA.-Krizisy-i-konflikty-Initiativa-Postglobalizatsiya-predstavlyaet-2013.pdf>).

Впрочем, изучение проблемы конечности капиталистической модели развития имеет давнюю историю, которая связана не только с марксизмом и модернистской версией социализма. Начало этому направлению положено еще Адамом Смитом в «Исследовании о природе и причинах богатства народов», затем продолжено в рамках неомарксизма, т.е. не столько самим Карлом Марксом, сколько Розой Люксембург (см. [Люксембург 1934]) и ее последователями. Иногда этот взгляд несколько тенденциозно называют «теорией автоматического краха капитализма».

Впоследствии развитие указанного комплекса идей происходит в работах левых и левоконсервативных социологов, экономистов и философов, в первую очередь принадлежащих к школе мир-системного анализа или ее претечам [Валлерстайн 2001; Арриги 2006; Пребиш 1992; Харви 2007; Амин web; Хазин web] и др. Ситуация кризиса эффективности капитала означает остановку экономического «мотора» глобализации. Первым признаком этой остановки является расползание геоэкономики на различные валютные зоны. Таков экономический итог событий последнего времени.

С политической точки зрения происходящее означает, что пределы глобализации достигнуты, поскольку международные институты, в том числе и финансовые, уже не могут обеспечивать стабильное поступательное развитие. Сохранение неолиберальной системы (как всякой неэффективной социально-экономической системы) вопреки объективным общественным процессам возможно только с помощью ужесточения прямого силового контроля. Это означает переход от финансово-экономических к военно-политическим и просто военным методам регулирования в планетарных масштабах. Глобализационный проект, таким образом, из монетарного и культурного превращается в административно-принудительный, в форму чистой кратократии.

Этот процесс невозможно охарактеризовать иначе как системный кризис либерального капитализма и переход от этой социальной модели к состоянию посткапитализма. Но методы управления меняются быстрее, чем идеология. Позже всего изменения в состоянии общества сказываются на официальной риторике правящих элит. На первом этапе мы наблюдаем даже обратный процесс: окостенение и радикализацию этой риторики, утрату либеральным дискурсом остатков гибкости и возможностей отражения реальной ситуации в обществе. Властно-принудительное обеспечение устойчивости проекта пока, напротив, порождает высказывания о непогрешимости неолиберального миропорядка,

о том, что любое несогласие с этим миропорядком делает несогласного изгоем, живущим на «неправильной стороне истории».

Важное следствие нарастания тоталитарных тенденций в неолиберальном обществе – это трактовка категории свободы как права ограничивать свободу другого – на правах «лидера» и под предлогом цивилизационной, культурной или социальной неполноценности оппонентов, обозначаемых терминами «депзоранты», «недолюды», «потомственные рабы», «совки» и т. п., т.е. с помощью классического hate language. Такое произвольное назначение тех или иных субъектов на роль «тоталитарных изгоев» само по себе носит подчеркнуто тоталитарный характер.

Так, например, широко известна построенная на этой риторике предвыборная стратегия американских демократов в 2016 году. В соответствии с ней Хиллари Клинтон представила аудитории следующую перспективу: «Знаете, говоря обобщенно, можно поместить половину сторонников Трампа в то, что я называю корзиной для безнадежных... Правда ведь? Расисты, сексисты, гомофобы, ксенофобы, исламофобы – дальше по списку. К сожалению, есть такие люди. И он их поднял, разбудил... Эти ребята неисправимы, но, к счастью, они не Америка» (См. <http://time.com/4486502/hillary-clinton-basket-of-deplorables-transcript/>; <https://edition.cnn.com/2016/12/04/politics/clinton-deplorables-apology/index.html>).

Заместитель руководителя предвыборной кампании Барака Обамы, единомышленница Клинтон Стефани Катлер в связи с этим в эфире MSNBC заявила: «То, что она сказала, правильно. Ее единственная ошибка состоит в том, что она назвала так лишь половину его (Трампа) сторонников» [Дробницкий web]. Не менее яркий пример – определение жителей Донецка и Луганска как «недолюдей» премьер-министром Украины Арсением Яценюком, данное им на англоязычном ресурсе посольства Украины в США (См. <https://usa.mfa.gov.ua/en/press-center/news/24185-mi-uvichnimo-pamjaty-gerojiv-ochistivshinashu-zemlyu-vid-nechistiarsenij-jacenyuk-u-spivchutti-ridnim-i-blizykim-zagiblih-vojiniv-uvugansyku>).

Изменение политической методологии заметно опережает идеологические процессы. Поэтому сегодня в качестве замены старым и бесполезным экономическим и социальным рычагам по всему миру множатся искусственно созданные конфликты и линии напряжения. Возникают оранжевые революции, межнациональные и религиозные конфликты, гражданские войны.

Концепция «невидимой руки» рынка и ей подобные оказались мифом: основой поддержания системы и ее стабильности остаются волевые политические решения. Сейчас это видно особенно наглядно, поскольку решения все более радикализируются. Радикализация вызвана отмиранием прежних механизмов развития. От «мягкой силы» защитники старой системы перешли к разжиганию конфликтов там, где невозможно удержать ситуацию, к стратегии управляемого хаоса. В долгосрочной перспективе такие меры неэффективны, они могут лишь отсрочить, но никак не отменить неизбежный исход – демонтаж устаревшей модели развития и управления. Как говорили еще в XIX веке, «штыком можно заставить подчиняться, но на штыках нельзя сидеть».

Но чем труднее удержать монополию, тем более жесткими становятся социальный контроль и политический диктат. По этой причине международное право превратилось в чистую условность. Защита прав одних осуществляется с целью попрания прав других. Демократия разрушена властью финансовых элит, гуманизм – социальным моделированием. Отрицание «темного прошлого» превратилось в коллективный невроз элитных групп: а вдруг оно вернется в новых формах?

Строго говоря, во всем этом нет ничего неожиданного. Обнажение властно-силовых практик либерального модерна, ранее скрытых за монетарными механизмами, предопределено как его изначальной сущностью (принудительная колонизация мира), так и нисходящей логикой нынешнего развития. Дух либерально-модернистской идеологии, настаивающей на идее тотальной конкуренции и естественного отбора как оптимального принципа социального развития, исходно содержит в себе метафору войны. Это корневая метафора в фазе «расцвета» и стабилизации системы была прикрыта метафорой

игры, а политико-экономическая экспансия всегда именовалась «добровольным сотрудничеством» в условиях «глобального лидерства».

Но приятные на слух эвфемизмы не меняют социально-политической сути явлений. «Глобальные лидеры», а именно субъекты транснационального капитала, стремясь превентивно оградить себя от любых возможных проблем и обеспечить монополию на лидерство, неизбежно сползают к диктаторской системе власти. И процесс этого сползания многократно ускоряется влиянием мирового кризиса.

Конец истории отменяется

Теперь следует сказать о нескольких наиболее важных и наиболее заметных последствиях перехода общества к посткапитализму.

Широко известное выражение «конец истории» обрело популярность благодаря философу, политологу и политическому экономисту Фрэнсису Фукуяме и его книге «Конец истории и последний человек» (см. [Фукуяма 2007]). Но сегодняшнее нарастание неуправляемости либерально-капиталистической системы говорит о том, что обещанный в 1990-е годы теоретиками неоллиберализма «конец истории» не состоялся.

В считанные годы после выхода книги идею «конца истории» вытеснила концепция «конфликта цивилизаций». Этим понятием мы обязаны американскому социологу и политологу Сэмюэлю Хантингтону (см. [Хантингтон 2003]).

Общее пространство «просвещенного мира» таким образом оказалось вновь расколотым, оно было разделено официальными держателями идеологии Просвещения. Устами Хантингтона (и не только) было объявлено о новой мировой сегрегации. В связи с этим русский философ А.С. Панарин обратил внимание на то, что «новые демократы» мыслят по-расистски, «отказываясь от установок христианского и просвещенческого универсализма»: «Благородную открытость просвещения они заменили эзотерикой «демократического» расизма, связанного с убеждением в том, что демократия имеет свой тип ментальности, характеризующий европейского «белого человека» [Панарин 2003, 15].

Новое разделение радикализировало прежнюю, культурно-историческую дихотомию «Восток–Запад», заменив ее новой, более радикальной и точной для своего времени – политико-экономической дихотомией: «глобальный Север – глобальный Юг». Фактически данное разделение повторяет структуру геоэкономики, предложенную концепцией школы мир-системного анализа, выделяющей мировую экономический «центр» (страны, концентрирующие капитал) и мировую «периферию» (страны-доноры, страны-пролетарии, экономические колонии центров капитала).

Изменение терминологии указывало на готовность мировых элит к новой войне между Севером и Югом, т.е. к окончательному и ускоренному перераспределению в свою пользу остатков мировых ресурсов. Но для осуществления этой задачи у Севера уже недостаточно аргументов и идеологических инструментов, недостаточно символической власти. Север для удержания господства по-прежнему навязывает Югу идею «универсальной современности», от имени которой сам же и говорит, деля историю на «правильную и неправильную стороны». Но Юг уже не верит в эту парадигму – идеология Севера не работает и лишь накапливает в себе внутренние противоречия.

Самоотрицание идеологии

Сегодня неоллиберальный дискурс уже и сам является вполне фундаменталистским. Он все чаще проявляет себя в перманентной войне с популизмом (левым и правым), традиционным фундаментализмом, экстремизмом. В число экстремистов наряду с реальными террористами попадают просто люди с «неправильными взглядами» (Муаммар Каддафи, Слободан Милошевич, Уго Чавес, Башар Асад и др.). Практикуется подготовка госпереворотов, называемых «оранжевыми революциями».

Реальные цели – контроль за ресурсами и управлением – маскируются лозунгами защиты прав и гражданского общества. В действительности формирование реального гражданского общества не допускается, особенно в странах экономической «периферии», поскольку подавляющая часть населения там отрезана от экономического пирога благодаря подконтрольности собственных элит транснациональной финансовой

олигархии. Активно применяется демонизация оппонентов как «невменяемых» личностей, представляющих собой «угрозу миропорядку».

Для устаревшей идеологии характерен комплекс виктимности — назначение несуществующих «массовых жертв» того или иного режима, антиисторизм, отрицание культурно-исторической уникальности обществ и народов, антитрадиционализм. Например, отрицается факт проживания на Украине нескольких миллионов русских, обладающих ментальностью, резко отличающейся от украинской.

Принятые критерии политической нации таковы, что признание несоответствия им равнозначно ярлыку варвара. В рамках официального неолиберального дискурса мы видим избирательное признание фактов дискриминации и геноцида, и хотя при этом нет прямых призывов к репрессиям против нелегальных социально-политических обществ и индивидуумов, они регулярно практикуются. Иными словами, антигиталитарные политические практики сами формировали модель тоталитарного мышления. Это самоотрицание — типичный и в определенной мере неизбежный путь развития любой секулярной идеологии.

Разрывы традиции

Чрезвычайно важным представляется вопрос о том, каковы же глубинные причины и механизмы нынешнего социально-политического кризиса и связанного с ним идеологического вакуума. Чтобы ответить на него, необходимо обратиться к такому глубинному феномену западной культуры, как разрывы традиции. Уже упомянутый Френсис Фукуяма в другой своей известной работе «Великий разрыв» писал: «...Культура радикального индивидуализма способствует прогрессу и инновациям, но ведь она распространилась и в сфере социальных норм, где, в сущности, привела к разрушению всех форм власти и ослаблению связей, скрепляющих семьи, соседей и нации. <...> Технологические изменения, которые на рынке способствуют тому, что экономист Йозеф Шумпетер назвал «творческим разрушением», повлекли за собой подобный же разрыв в мире социальных отношений. <...> В этом есть и своя положительная сторона: социальный порядок, однажды подорванный, стремится переустроиться заново, и имеется немало признаков того, что сегодня именно так и происходит» [Фукуяма 2003, 6].

«Творческий» характер разрушения традиции был и остается далеко не очевидным. Но сегодня радикализация и архаизация позднего модерна свидетельствуют о новом — уже втором по счету — культурно-историческом разрыве в западной культуре. Этот разрыв отделяет уже не традицию от модерна (идеологизированной «современности»). Он осуществляется внутри самой модернистской парадигмы, в «теле модерна». Новая пропасть возникает между модерном и постмодерном или «первым» и «вторым» (ранним и поздним) модерном — в зависимости от выбранной терминологии.

Второй разрыв — абсолютно закономерное культурное явление. Вслед за отказом от христианской традиции был неизбежен отказ от традиции классического рационализма, которая еще в эпоху секуляризации была отторгнута от общехристианского дискурса. Новый разрыв означает отказ от характерного для XX века научно-критического мышления. Он осуществляется в пользу нового («цифрового») иррационализма информационной эпохи, который можно обозначить как тенденцию к неопантеизму и возрождению жреческого практикума. Общество становится «повторно суевренным». В результате нового культурно-исторического разрыва вслед за мнимой утратой сакрального (секуляризация) и реальной утратой нравственного (релятивизм) происходит утрата рационального в современной культуре. Это не в последнюю очередь сказывается на состоянии идеологии.

Новый иррационализм

Воинствующий иррационализм, квазинаучность и глубинные идеологические противоречия позднего модерна уже хорошо различимы в культуре. Критически мыслящий человек постоянно сталкивается с ними в своей повседневной активности. Например, понятия «плюрализм» и «общечеловеческие ценности» в рамках существующего

гегемонистского дискурса явно входят в логическое противоречие друг с другом. В условиях радикального плюрализма постмодерна становятся нерелевантными понятия «общего блага» и «естественного права», в соответствии с которыми строятся концепции классического либерализма, начиная с Локка и Канта.

Сегодня заново проблематизируются уже сами исходные эпистемологические предпосылки модернистского проекта, основанные на базовых дихотомиях «современность – традиция», «религиозность – секулярность» и т.п. Так, в частности, вызывает большие сомнения самоопределение модернистской культуры как нерелигиозной, т.е. не способной порождать устойчивую семантику трансцендентного. Это подтверждает и сама стилистика приведенной выше статьи Френсиса Фукуямы, считающейся одним из манифестов радикального модернизма. Такие выражения этой статьи, как «великий разрыв», «творческое разрушение» – все это явно отсылает к космогоническим мифам, указывает на мифорелигиозный фактор программы позднего модерна. Иными словами, модернистская культура оказалась не в состоянии выполнить собственную программу тотальной рационализации и сциентизации жизненного мира современного человека.

Постмодерн как социально-политическая программа

Сегодня уже очевидно, что интеллектуальная традиция XX века не вполне точно определяла сущность феномена, который в критической литературе был назван «состоянием постмодерна» [Лиотар 1998]. В наше время постмодерн – это уже не философско-эстетический проект и тем более не естественное состояние западной культуры, каковым представляли его апологеты. Это в первую очередь социально-политическая программа, навязанная обществу «сверху», система норм и установлений.

Обществу предлагается постепенно отказаться от институтов традиционной семьи, государства, нации и цивилизации, признав все эти понятия архаичными, а историческую память – воплощением ретроградства. Но жизнь в безнациональном, безгосударственном, предельно атомизированном культурном пространстве выглядит как технологически оснащенный вариант раннего феодализма. Регионалистские образования являют нам новую форму феодальной раздробленности в территориальном смысле. Поэтому посткапиталистическое общество публицисты называют «информационно-денежным феодализмом».

Культура постмодерна, соответствующая современному посткапиталистическому укладу, отрицает как христианскую личность с ее свободой нравственного выбора, так и классическую либеральную «частную личность» с ее свободой от самой категории нравственности. Постмодерн навязывает человеку запрет на прямое высказывание, на диалог с собственной совестью. Набор подобных запретов есть не что иное, как аналог тюремного заключения, только без решеток и замков. Но из такой тюрьмы труднее убежать. Данная форма репрессивности представляет собой результат радикализации дисциплинарного типа власти, описанного еще в прошлом веке левыми интеллектуалами, например Мишелем Фуко [Фуко 1999].

Смена гуманистической парадигмы на трансгуманистическую также порождает серьезные проблемы для концепта частной личности. В рамках трансгуманизма индивид распадается на случайный набор элементов идентичности, которые конструируются в разных комбинациях (например выбор «гендерной принадлежности»). В результате концепт «я» теряет онтологичность, превращается в конструкт, в проект. «Индивидуальность» в этой ситуации сменяется не новой коллективностью, но постиндивидуальностью. Множественность, которая некогда являлась атрибутом надличностного начала (коллектива, общины, нации, народа), становится атрибутом человеческой психики, и это все более напоминает состояние диссоциативного расстройства личности.

Таково современное культурно-идеологическое наполнение либерал-модернистской системы. Тем не менее, как уже было сказано, ни социально-экономические, ни идеологические инструменты этой системы уже не позволяют удержать контроль над социальными процессами. В контексте сказанного возникает неизбежный вопрос о возможных сценариях и последствиях дальнейшей трансформации системы.

Общество риска как новая тоталитарность

Немецкий философ и социолог Ульрих Бек ввел в употребление термин «общество риска». Риск — это, по его мнению, неотъемлемая черта современного социума, т.е. социума эпохи «второго модерна» (Second modernity — тоже его термин) [Бек 2001]. Переход ко второму модерну означает конец развития промышленных национальных государств и приход общества тотальной информации, глобализации, трансгуманизма. В эпоху второго модерна отмирает идеология, рациональность и ценности — согласно Беку, отмирает сам принцип выбора «то или другое» и заменяется постмодернистским «и то, и другое». Именно так философ описывает второй разрыв в развитии модернистской культуры и модернистского общества. Изменения, согласно Ульриху Беку и его последователям, влекут за собой резкий скачок уровня общественных угроз (от терроризма и войны до экологии), что, в свою очередь, означает превращение обычного общества в «общество риска», а всех его членов — в единую «команду мировой опасности». Борьба идей заменяется новой повесткой — борьбой за определение рисков. Эта смена повестки, вне всякого сомнения, говорит об отмирании самой идеологии. С точки зрения Ульриха Бека, функции универсального определения рискогенности должны быть возложены на социологию (она превращается в своего рода науку наук), а общую научно-теоретическую перспективу ближайшего будущего, в которой социология призвана играть роль метадисциплины, Ульрих Бек предлагает считать «Новым Просвещением».

Вполне очевидно, что данная концепция очерчивает перед нами образ новой тоталитарной общественной модели, по существу приветствует рост в обществе новых тоталитарных тенденций. И эта небезупречная позиция вызывает тревогу. В случае ее практической реализации общество перейдет к алармистскому управленческому волюнтаризму, попросту говоря, к разнообразным методам коллективного запугивания, которые заменят привычные формы управления и администрирования. Такого рода социальное проектирование является одновременно и безнравственным, и иррациональным, и архаизирующим, возвращает общество к первобытным страхам и жреческим практикам управления, к неоязычеству, новому пантеизму. В рамках такого рода социальной модели, если она будет реализована, приобретет важное значение идея абсолютного зла, поиск «врагов человечества» (будь то «враги демократии», «закрытые общества», «тоталитарные личности» с «тоталитарными ценностями» или кто-то еще). Любая социальная критика будет объявлена умножением рисков, инакомыслящие — приверженцами «неправильной стороны истории», оппоненты идеи «глобального лидерства» — «врагами Прогресса», сторонники социальной справедливости и социальных гарантий — опасными мракобесами и экстремистами.

Как было отмечено ранее, система неолиберального капитализма может поддерживать себя только посредством искусственных кризисов, методом «управляемого хаоса». Именно поэтому под видом «общества риска» навязывается алармистская психология, привычка к существованию в режиме перманентного, нескончаемого кризиса и бесконечной борьбы с полумифическими крайностями «популизма». Дезориентация и дестабилизация общественного сознания является предпосылкой для установления все более тоталитарных форм социального контроля и управления.

Следовало бы уже сегодня сказать со всей определенностью, что описанный выше сценарий смены социальной и культурной парадигмы и есть главная угроза ближайшего будущего, поскольку имеет все признаки фашистской доктрины.

Цифровое общество: архаизация модели и смена языка

Последний тренд, манифестируемый в рамках позднего модерна и его образа будущего — это концепция цифрового общества. Проект цифрового общества при отсутствии должного контроля со стороны нравственности и науки ведет к усилению неравенства, неутраиванию и быстрой социальной архаизации. Отсутствие нравственных критериев устраняет категорию долга и ответственности во властных практиках правящих элит. Роль науки почти так же важна, как и роль нравственных критериев. Научные данные, в отличие от информационно-цифровых кластеров, могут и должны служить целям познания — т.е. объективного анализа. Ученый-аналитик изучает свой объект, а не

формирует его под предлогом изучения, как это происходит в рамках информационно-цифровых технологий. Данные науки, в отличие от данных социальной статистики, могут и должны быть общедоступными и проверяемыми.

Навязывание критериев цифрового общества вызывает все большую тревогу. Оно свидетельствует о стремлении носителей позднемодернистского дискурса совершить негласный выход из культурной парадигмы, заданной «проектом Просвещения», но при этом использовать язык классической рациональности в роли инструмента «нового мышления». Речь идет о сохранении позитивистского языка для потребностей нового, «цифрового» мышления. Но этот язык вместо анализа используется в метафорической роли и помогает скрывать неоязыческий фундамент новой культурной реальности (данный феномен уже получил название археопозитивизма и археомодерна).

Неизбежность смены парадигмы

Разрыв западной культурно-исторической традиции и соответствующее ему состояние посткапитализма — процесс, по всей видимости, неизбежный и необратимый. Ряд базовых идей социальной и идеологической парадигмы модерна либо не оправдал себя, либо уже отменен реальным социальным развитием. Так, противопоставление «современности» и «традиции» использовалось, чтобы выдать колониалистскую экспансию за просвещение. Политическим лейтмотивом звучали следующие тезисы: «Мы вначале просветили сами себя и теперь имеем право просвещать вас», «Мы говорим с точки зрения правильной стороны истории».

Но экспансионизм, основанный на мифе превосходства, приготовил для его носителей своеобразный «капкан истории». Экспансионистская идеология уже не способна предложить миру новые смыслы. Отказавшись от своего христианского фундамента, глобальный Север в конечном счете лишил экзистенциальных смыслов самого себя, утратил не только ценностную базу, но и внешние преимущества — классическую рациональность и научно-критическое мышление. Выяснилось, что он не в состоянии сохранить верность собственным основам даже в рамках провозглашенного исторического разрыва: за первым разрывом следуют новые, а концепция мира и человека постоянно пересматривается, исходя отнюдь не из научных данных, но из идеологических и политических потребностей.

Иными словами, претензии на универсальность еще одной общественной модели оказались ложными, обернулись еще одной утопией. Денежно-колониалистское общество терпит фиаско. Все происходящее говорит об износе не только привычных политических механизмов, но и обслуживающей их идеологии. Это значит, что нас ждет кардинальная смена того и другого в мировом масштабе.

Вопрос стоит уже не о путях аварийного «апгрейда системы», а о способах выхода из устаревшей культурно-социальной парадигмы с наименьшими потерями для всех. Ситуацию осложняет раскол в лагере политических элит — носителей прежней идеологии. Раскол возник между элитами глобально-финансовыми и национально-консервативными. Пока неизвестно, победит ли в краткосрочной перспективе прагматичная консервативная линия и выберут ли, к примеру, США между спасением собственной экономики и спасением глобальной финансовой системы собственные национальные интересы.

Цена этого выбора чрезвычайно высока для всего мира, поскольку неолиберальный вектор дальнейшего развития неизбежно приведет к глобальному мировому конфликту и смене модели наименее гуманным способом, а прагматичная линия даст возможность изменить модель развития чисто административными методами. Готов ли мировой правящий класс к серьезным переменам, к мировой «перестройке» и «новому мышлению» — к переформатированию мира глобального в мир больших регионов, т.е. в многополярный? Ответа на этот вопрос мы пока не знаем. Можно лишь констатировать, что сам по себе данный переход — дело времени, а не принципа, что он неизбежен и выбор будет сделан только между его возможными сценариями.

Люксембург 1934 – *Люксембурге Р.* Накопление капитала. ТТ. 1–2. М.-Л., 1934 (Luxemburg R. *Die Akkumulation des Kapitals*, Russian translation).

Ссылки – References in Russian

- Амин web – *Амин Самир.* Траектория исторического капитализма // http://scepsis.net/library/id_3642.html
- Арриги 2006 – *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Территория будущего, 2006.
- Бек 2001 – *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Валлерстайн 2001 – *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Дробницкий web – *Дробницкий Д.* Деплоранты, или корзинки Хиллари // <http://www.odnako.org/blogs/deploranti-ili-korzinki-hillari/comments/>
- Лиотар 1998 – *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Алетейя, 1998.
- Панарин 2003 – *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003.
- Пребиш 1992 – *Пребиш Р.* Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992.
- Фуко 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фукуяма 2003 – *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М.: АСТ, 2003.
- Фукуяма 2007 – *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007.
- Хазин web – *Хазин М.* Типы кризиса при капитализме // <http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>
- Хантингтон 2003 – *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- Харви 2007 – *Харви Д.* Краткая история неолиберализма. М.: Поколение, 2007.

References

- Amin, Samir (2011) “The Trajectory of Historical Capitalism and Marxism’s Tricontinental Vocation”, *Monthly Review*, Vol. 62, No. 9, pp. 1–18 (Russian translation).
- Arrighi, Giovanni (1994) *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of our Times*, Verso, London (Russian translation).
- Beck, Ulrich (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*, Sage, London (Russian translation).
- Drobnitsky, Dmitry (web) Deplorables or Hillary Clinton’s Baskets, <http://www.odnako.org/blogs/deploranti-ili-korzinki-hillari/comments/> (in Russian).
- Foucault, Michel (1975) *Surveiller et punir: Naissance de la Prison*, Gallimard, Paris (Russian translation).
- Fukuyama, Francis (1992) *The End of History and the Last Man*, Free Press, New York. (Russian translation).
- Fukuyama, Francis (1999) *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*, Free Press, New York (Russian translation).
- Harvey, David (2005) *A Brief History of Neoliberalism*, Oxford University Press, Oxford, New York (Russian translation).
- Huntington, Samuel P. (1996) *The Clash of Civilizations?* Simon & Schuster, New York (Russian translation).
- Khazin, Mikhail (web) “Types of Crisis under Capitalism”, <http://worldcrisis.ru/crisis/1763699> (in Russian).
- Lyotard, Jean-François (1979) *La condition postmoderne*, Les Éditions de Minuit (Russian translation).
- Panarin, Aleksandr S. (2003) *Orthodox Civilization in the Global World*, Eksmo, Moscow (in Russian).
- Prébisch, Raúl (1981) *Capitalismo periférico. Crisis y transformacion*, Fondo de Cultura Económica, México (Russian translation).
- Wallerstein, Immanuel with Hopkins, Terence K. et al. (1982) *World-Systems Analysis: Theory and Methodology*, Sage, Beverly Hills (Russian translation).

Сведения об авторе

ЩИПКОВ Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры религии и религиоведения, философский факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; советник председателя Государственной Думы РФ.

Author’s information

SHCHIPKOV Aleksandr V. – DSc in Politics, Professor of the Department of Religion and Religious Studies, Philosophical Faculty, Lomonosov Moscow State University; Advisor to the Chairman of the State Duma of the Russian Federation.